

В тот день, когда все изменилось, еще не было и полудня, когда я застал маму, наливающую в стакан изрядную порцию джина.

"Еще рано", - сказал я.

Она посмотрела на меня.

Сказала: "Делать больше нечего".

Потом она пожала плечами.

"Мы могли бы прогуляться", - сказал я.

Она поворчала, закатила глаза, вздохнула, а затем посмотрела на меня еще одним взглядом, как на простофилю.

"О, еще одна прогулка? Как весело".

Она поставила бутылку на стойку.

Пробормотала: "Лед".

"Да, снова", - сказал я. "Свежий воздух, немного физических упражнений. Это будет лучше, чем пить. Ты не можешь оставить это хотя бы на потом?"

Она уже направлялась к холодильнику, когда я заговорил.

"Отвали", - прошипела моя мать. "Я достаточно взрослая, чтобы решать, когда мне можно выпить". Сказав это, она снова вздохнула. Затем посмотрела на меня взглядом, который сказал мне, что она сожалеет о своей вспышке.

"Мне жаль, Маркус", - сказала она. "Это было грубо".

Она смотрела на меня, повернувшись так, что оказалась лицом к лицу, халат соскользнул, когда она пошевелилась. Я мельком взглянул на ее тело, и шок от этого стал волной холодной воды, когда мои глаза зафиксировали округлые внутренние бока ее груди и полоску волос на лобке внизу. У меня мелькнула мимолетная мысль о том, что там, внизу, начинается рост волос, и деталь свисающих складок отпечаталась в моем сознании, когда я задохнулась и отвернулась.

"Мама", - пролепетала я.

"О черт, Маркус, мне жаль", - сказала она.

"Да", - вставил я. "Не думаешь ли ты, что тебе стоит хотя бы немного одеться?"

Я рискнул взглянуть и увидел, что она затягивает пояс, халат натянут на ее наготу.

Она скривила лицо.

"Зачем? Какой в этом смысл?"

"Потому что если ты будешь продолжать в том же духе, ты вступишь в депрессию", - сказал я.
"Пить, спать целыми днями..."

"Собираешься? Я и так чувствую себя не слишком бодро", - насмехается мама.

"Вот почему так важно иметь распорядок дня. Вставать, принимать душ, одеваться..."

"Это блокировка, Маркус", - сказала моя мать.

Она снова посмотрела на меня таким взглядом, что я показался ей простодушным.

"Нет смысла что-либо делать. Если я пойду в магазин, я надену какую-нибудь одежду. В противном случае...?"

Она полуобернулась и отвернулась.

Пробормотала: "Так, где этот чертов лед...?".

Она разразилась быстрой, яростной тирадой, когда я схватил стакан и вылил джин в раковину. Это были целых тридцать секунд желчи и ярости, в течение которых она обзывала меня и обвиняла: "Такой же, как твой засранец, гребанный отец".

"Это не тебе решать", - бушевала моя мать. "Ты забыл, кому принадлежит этот чертов дом, Маркус! Я! Вот кому! Я просто позволила тебе жить здесь!"

Я смотрел на дикие глаза и жирные, неухоженные светлые волосы.

Я старался держаться спокойно и непринужденно. Не было смысла провоцировать ее, вступая в спор.

"Это мой дом, мама", - сказала я. "Я не просто живу здесь".

Я могла бы упомянуть, что плачу арендную плату за комнату и питание, но оставила это на потом.

Она посмотрела на меня, в ее глазах горел огонь, и она глубоко втянула воздух.

Затем я добавил: "Когда ты в последний раз мыла волосы?".

Гнев остыл. Это было время, когда я пилил ее, а она отрицала.

"Боже, я ненавижу это, Маркус", - вздохнула моя мама.

Нежные эмоции бурлили внутри.

"Я знаю, мама", - сказал я. "Я тоже. Думаю, большинство людей тоже".

"Я просто хочу, чтобы все это закончилось".

В ее голосе была тоска, подавленность.

"Я знаю", - сказала я.

"Это продолжается, продолжается и продолжается".

Я кивнул. "Ага. Так и есть".

"Я ненавижу это, Маркус".

"Я знаю, что ненавидишь, мама".

"Мне нужно выпить", - сказала она.

Я вздохнул.

Сказала: "Как насчет того, чтобы сначала принять душ? Знаешь, приведи себя в порядок. Надень какую-нибудь одежду".

Я успокаивал, уговаривал, менял роли, как будто я был родителем.

Затем я добавила: "Или ванну? Я могу сбегать и набрать ее. Поставить одну из этих бомбочек для ванны. Зажечь несколько этих вонючих свечей".

"Они не вонючие, Маркус. Они ароматические".

"Хорошо, ароматические свечи", - сказал я.

Я уловил интерес, который зажегся в ее глазах. Это было редкое и хрупкое чувство, которое нужно было лелеять.

"Можно мне выпить бокал охлажденного белого вина в ванной?"

Моя мама ухмыльнулась, в ее взгляде было лукавство.

Я уступил, потому что вино должно было быть более мягким вариантом, чем джин.

"Хорошо", - сказала я.

Она усмехнулась, когда я пожала плечами и кивнула.

Вот так я оказался в ванной комнате с мамой, в комнате, похожей на сауну, вода каскадами стекала в ванну, ванильный аромат от свечи окружал нас, когда она сбросила халат и обнажила свою спелую, сладострастную наготу.

Я стоял позади нее, когда она это сделала, вино в моей руке, ее женственные формы притягивали мой взгляд.

Я сглотнул, когда мой член уплотнился и вырос до полного, быстрого и дикого возбуждения, обратив внимание на контраст оттенков кожи: бледные очертания ее трусиков на фоне увядающего загара. Пока я смотрел на нее, мама повернулась, ягоды покачивались с той особой упругостью, которая присуща только женской плоти, ее груди колыхались в такт движениям, и мое внимание переключилось на приталенную косуху, низко лежащую на ее теле.

Я знал, что пляжусь, но не мог остановить это, так как услышал ее голос, доносившийся до меня издали.

Я услышал: "Что ты на меня так смотришь, Маркус? Прекрати смотреть на мой пух. Это не для тебя".

Ощущение сюрреализма - одеяло оседало на мне, пар клубился вокруг моей матери, мои глаза

были прикованы к ее телу.

"О Боже, Маркус", - вздохнула мама. "Ты ведешь себя очень непослушно. Это грубо".

Несмотря на всплеск ощущений, пронизывающих меня, и несмотря на эрекцию, пульсирующую в моих джинсах, я осознал абсурдность ее тона. Мне было двадцать два года, а то, как она разговаривала со мной, отбрасывало от этого десяток лет.

Когда мое внимание переместилось на ее лицо, я сделал паузу: ее большие груди привлекли мое внимание, их размер и форма, а также ареолы размером с блюдце разжигали темные желания, бурлящие внутри.

Я увидел, как ее глаза расширились, а рот опустился.

Затем я понял, что я сказал.

"Ты великолепна, мама", - пробормотал я.

Ноздри моей матери раздувались.

"Маркус! Веди себя прилично!"

Здравый смысл и приличия прорвались наружу. Я почувствовал, что мои щеки начинают гореть.

"Я... Мне очень жаль", - заикаясь, произнес я.

Мой взгляд упал на мамину наготу, когда я протянул бокал.

"Я принесла твое вино", - сказала я.

Я уловил движение в периферийном зрении и, подняв глаза, увидел, что мама отвернулась, чтобы выключить краны. Она стояла в профиль в три четверти, ее груди колыхались, когда она наклонялась над ванной, крестец был обращен ко мне так, что я мог видеть изгиб ее бедра, форму ее тела, глубокую, ноющую пустоту, зияющую глубоко внутри.

Похоть бурлила во мне, когда я разглядывал себя через джинсы.

Потом мама села на край ванны, чтобы окунуть пальцы в пенную воду.

"Ооо, это прекрасно и горячо", - сказала она.

Мама не смотрела на меня, когда говорила это, ее внимание было приковано к воде, она пробормотала это, прежде чем внезапно подняла глаза к моему лицу.

"Ты так добра ко мне", - сказала мама.

Она улыбнулась, а затем зажала нижнюю губу между зубами с лукавым выражением лица.

"А я в последнее время была такой эгоистичной сукой", - добавила она. "Спасибо, что терпишь меня, Маркус".

Я был доволен, но в то же время смущен.

"Ничего страшного", - сказал я.

"Тебе стоит залезть со мной в ванну", - продолжила мама.

Я застыл на месте, разинув рот, потому что был уверен, что не расслышал ее правильно.

Она уже шагнула в ванну, когда повторила приглашение.

"Я не могу", - задыхалась я.

Меня охватили противоречивые чувства. Я был взволнован и одновременно потрясен, желание и возбуждение были громче, чем голоса предостережения в моей голове.

"Конечно, ты можешь", - промурлыкала моя мама. "Все просто. Ты снимешь свою одежду и войдешь сюда со мной".

Мама откинулась на спинку ванны, закрыв глаза и вздохнув.

Ее груди были островками в море пузырьков, кожа была гладкой, ареолы и пуговичные соски притягивали мое внимание.

"Я не могу", - сказал я.

Это прозвучало полузадушенно, когда я подумал о том, как стыдно выставлять свой стояк напоказ собственной матери.

"Ты мог бы помыть мне волосы", - предложила мама.

Я мог бы встать на якорь против стремительного прилива моего ослабевающего морального кодекса. Это не было таким уж возмутительным предложением, как совместное купание, но это означало, что я мог оставаться с ней в ванной и смотреть на ее тело. Потребность быть рядом была непреодолимой. Я осознавал неправильность того, что делаю, но не мог заставить себя уйти. Я хотела смотреть на мамину наготу, темные желания работали во мне, когда я смотрела в сторону от того, что противостояло мне внутри моей головы. Я отказывался признать мысль о том, что собираюсь использовать этот опыт и воспоминания для мастурбации позже, моя голова была полна смятения по поводу того, как это произошло и почему я оказался с ней в ванной, когда она была обнажена.

"Да, хорошо", - сказал я.

Она поблагодарила меня, когда я передал ей вино. Потом я стоял на коленях рядом с ванной, держа в руке насадку для душа, а мама наклонила лицо к струе, закрыв глаза.

Я воспользовался этой возможностью, чтобы рассмотреть ее большие округлые груди, в воображении прокручивался ролик, в котором я представлял, как прижимаюсь к ней, чтобы пососать ее соски, как мама тихонько бормочет о согласии, прежде чем пригласить меня поцеловать ее рот.

Я успел намылить ее волосы шампунем, не поддавшись импульсу, слизь просочилась в мои трусы, когда я случайно осмелился провести ладонью писательницы по внешней стороне одной груди.

"Боже, как приятно", - вздохнула мама.

Я не мог определиться. Это было двусмысленное заявление. Говорила ли она о том, что я мыл ее волосы, или о скольжении моей руки по ее коже?

Мои руки дрожали, когда я смывал шампунь с лица матери, и она открыла глаза. Ее грудь дрожала, когда она ладонью вытирала воду с лица, а затем протянула волосы сквозь пальцы, выжимая их, ее внимание было приковано ко мне.

"Ты была права", - сказала моя мама. Я чувствую себя намного лучше, когда я свежая и чистая".

Она хихикнула и взяла стакан с углового края ванны.

Моя мать сделала глоток, глаза сверкали жизнью и дьявольщиной, пока она держала мой взгляд.

Потом она начала.

Моя мать глотнула вина и дернула за якорь морали. Она вырвала его и заставила нас обоих скатиться вниз по склону к греху и запретным поблажкам.

Я позволил этому случиться, соблазненный телом моей собственной матери и соблазном незаконной близости с ней.

Все началось с того, что я увидел озорство в выражении ее лица.

Она прошептала: "Ты действительно считаешь меня великолепной, Маркус?".

<http://erolate.com/book/2302/59892>